

УДК 801.001

ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ

Исхан Бейбит Жалелулы

НИИ Литературоведения и языкознания КазНПУ им. Абая, Алматы, e-mail: baian_80@mail.ru

Общественно-политическая лексика специфична, имеет широкую сферу применения, носит общеупотребительный характер. Современная политическая и экономическая ситуация сильно влияет на языковые процессы в обществе, формирует векторы развития языка как социального явления. В статье подчеркивается, что выявление национальной самоидентичности казахского языка является законным требованием времени.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, языковые процессы в обществе, самоидентичность казахского языка

IMPORTANCE AND PLACE OF POLITICAL LEXICON IN THE LANGUAGE

Iskhan Beibit Zhaleluly

SRI literature and languages KazNPU Abai, Almaty, e-mail: baian_80@mail.ru

Socio-political vocabulary specific, has a wide scope, is vernacular character. The current political and economic situation strongly influences the linguistic processes in society, generates vectors of language as a social phenomenon. The article emphasizes that the identification of national identity of the Kazakh language is a legitimate demand of the time.

Keywords: socio-political vocabulary, language processes in society, self-identity of the Kazakh language

Ученые-лингвисты единодушны в оценке специфики общественно-политической лексики, различении ее от других пластов языка, определении ее лексико-семантической направленности. Обычно к таковым относят слова, имеющие непосредственное отношение к государственно- административной системе управления, политике и экономике, процессам развития общества.

Б. Момынова в своем труде «Общественно-политическая лексика в газете «Казах» выделяет следующие группы общественно-политической лексики: 1) наименования социально-исторических категорий и понятий; 2) наименования государственного строя; 3) наименования административной системы; 4) наименования, имеющие отношение к законодательству, судебной системе; 5) политические наименования; 6) наименования военного дела; 7) наименования сферы культуры, образования, 8) религиозная лексика [3, 29-30].

Общественно-политическая лексика специфична, в отличие от терминов, имеет более широкую сферу применения, носит общеупотребительный характер. С терминами их сближает иноязычный характер происхождения, принадлежность к интернациональной лексике. Данная идентичность порой вводит в заблуждение помимо рядовых носителей языка и ученых-лингвистов.

Бесспорно, общественно-политическая лексика обслуживает экономику, политологию, философию, социологию, культурологию, историю и другие общественно-

гуманитарные науки и условно их можно рассматривать в качестве терминов данных отраслей. Также общественно-политическая лексика в определенный период зарождается как неологизмы (так, в годы Советской власти появились «коллективизация», «красная юрта», «электрфикация», «индустриализация», «перестройка», «ускорение» и др.), входит в широкий оборот, затем по мере ухода с языковой сцены обретает статус историзмов. По сфере и объему применения общественно-политическая лексика является языком определенного круга носителей. Это общее достояние всех членов общества, которым каждый пользуется в меру своих языковых способностей и необходимости. Упрочению позиций данной лексики в общенародном языке, наряду со сферами образования и науки, способствуют средства массовой информации. Слова как обозначения новых понятий, явлений проникают в словарный состав через язык печати, периодики. Посредством общественно-политической лексики определяется государственная политика и экономический курс страны. По этой причине ученые-политологи рассматривают ее (лексику) как слова, характеризующие политический и экономический имидж государства, лингвисты считают данные слова средствами публицистического стиля, следовательно, объектом языкознания.

Таким образом, обширная сфера распространения заимствованной общественно-политической лексики и активность ее употребления резко отличает ее от тер-

минов-интернационализмов. Именно это свойство (распространность и принадлежность к активной лексике) в немалой степени способствует загрязнению языка. В свое время Халел Досмухамедулы отмечал: «Среди наших казахов-киргизов мало кто хорошо знает европейские языки, многие не знают. Европейские языки проникают к нам посредством русского. При заимствовании европейских слов надо изучить историю их происхождения и по мере возможности приспособить их к произношению родного языка» [4, 151]. Слова ученого, сказанные в эпоху бурного вхождения заимствованной лексики, точно определили ее характер и негативные последствия для родного языка. Значит, своевременный поиск казахских эквивалентов и замена ими иноязычной лексики или произношение (написание) заимствованных наименований общественно-политических явлений в соответствии с фонетической системой казахского языка (так, как это произошло со словами «саясат», «қоғам», «мемлекет», «үкімет», «өкімет», «ояз», «болыс», «уәкіл», «өкіл» и т.д.) являются востребованными и в наше время.

Общественно-политическая лексика занимает огромные пласты языка и имеет не менее широкие функциональные полномочия. Ее развитие неразрывно связано с историко-политическими этапами формирования общества, различными социально-экономическими ситуациями в стране, со становлением и совершенствованием письменной литературы, СМИ. Усиление функции общественно-политической лексики и активность ее употребления особенно возрастают благодаря письменным источникам, в т.ч. и СМИ.

Каждая фаза общественного развития оставляет свой след в истории языка. В определенной формации иные слова относительно скоро переходят в разряд историзмов. Другие «долгожители», длительное время находясь в активном обороте общенародного языка, становятся атрибутами повседневной речи. Их трудно отличить (без тщательного изучения) от общеупотребительной лексики. Обычно эти слова формируются в соответствии с правилами словообразования языка-реципиента («хан, караша, қағанат, ұлыс, тайпа, ру, бай, кедей, шаруа, шаруашылық» и т.д.) или подчиняются его звуко-буквенной системе (по аналогии с «қоғам, саясат, патша, сұлтан, мырза, болыс, ояз, пошта, поштабай, әкім, әкімшілік, мекеме, кеңсе, қызмет, мәртебе, дәреже» и т.д.). Иноязычный характер данных слов трудно предугадать без предварительного этимологического анализа. Так, газета «Алаш айнасы» в рубрике «Не-

известное об известном имени» писала: «Жомарт – исконно казахское имя, его можно истолковать как «щедрый, великодушный» [5]. Но если верить исследованию Л.З.Рустемовой, данное слово образовано от сложения персидских «джэван» (молодой) и «мәрд» (смелый, храбрый) [6, 113-190-191].

Состав общественно-политической лексики проф. Б. Момынова классифицирует следующим образом: «именные сочетания исконно казахских слов: ұлт кеңесі, билік дәлізі, билік тұтқасы, жоғары билік и т.д. Сочетания с одним иноязычным компонентом: саяси лидер, саяси күш, діни конфессия, билік Олимпі, саяси баспана, тіл саясаты, саяси шешім ...Именные сочетания иноязычных слов: саяси реформа и т.д.» [7, 83]. Так, слово «дәліз», воспринимаемое как исконно казахское, на деле происходит от персидского «дахлиз», а «саяси», «діни», «саясат» имеют арабо-персидское происхождение.

С VIII века на казахской земле под влиянием Арабского халифата распространяется арабская письменность, через нее казахское языковое пространство обогатилось словами, имеющими отношение к науке, образованию, познанию мира, государственно-административной системе. Начиная с XV века начинается новая эпоха развития арабской графики у тюрков. Тюркоязычные родо-племенные сообщества объединяются в отдельные государства, формируются нации. С указанного времени до конца XIX века казахи пользовались общетюркским книжным языком, основанном на арабской графике (чагатайским или старо-узбекским языками).

1870-1910 годы в издательствах Петербурга, Казани издавались и получили массовое распространение книги, проповедующие положения ислама; любовные дастаны, изложенные по мотивам «Тысячи и одной ночи», эпические, лиро-эпические, исторические сказания казахов. А.В.Васильев писал: «Путешествуя по степи, редко встретишь юрту без книг. Спрос на книги так велик, что одна книга на казахском языке десятки раз издается тысячными тиражами» [8, 176-177]. До колонизации имперской Россией, общетюркский книжный являлся также деловым языком периода ханско-административной системы управления.

Арабо-персидские общественно-политические слова, проникшие в казахский через различные письменные источники, несомненно, обогатили язык. Хотя на письме они сохраняли иноязычный характер (милләт, жамиғиат, қызмат, хукмет, ғаскер, маһкама и т.д.), в общенародной устной

речи их звуковенный состав адаптировался к фонетике казахского языка (қоғам, нәсіл, бодан, болыс, ояз, сот, заңи т.д.). Впоследствии благодаря выпуску первых казахских газет «Түркістан уәліяті» (1870-1883 гг.) и «Дала уәліяты» (1888-1902 гг.) данная лексика подверглась и графическим изменениям: слова стали писать в соответствии с правилами казахской орфографий.

Общественно значимые изменения, новости привносят в жизнь новые понятия и представления. Нация с определенно развитой письменной культурой своевременно находит им наименования на родном языке или адаптирует иноязычные выражения к системе языка-реципиента. У народов с несформировавшимся национальным алфавитом и орфографией заимствованная лексика претерпевает лишь незначительные изменения. Следовательно, сохранение первоначального варианта написания и произношения иноязычных слов есть признак несформированности национальной графической (орфографической) системы языка-реципиента. Ни язык, исторически сформированный, ни язык, находящийся на стадии становления в силу своих природных закономерностей не в состоянии принять чужеродное слово в первоначальном виде. Особенно очевидна эта тенденция, когда словарный состав языка еще не так «заполнен» заимствованной лексикой.

«Казахский язык в основном развивался устно: казах впитал его с молоком и колыбельной матери, родной язык в крови казаха, вместе с ним он возмужал в ауле, играл на гриве коня, на спине верблюда, разливался песней, растекался лучами» [9, 7]. По этой причине до колонизаций Россией, до политики русификаций слова-инородцы были чужды казахскому языку, он с удивительной быстротой и точностью находил им эквиваленты.

Иноязычная лексика принимается без изменений языками, что пользуются чуждой своей природе, т.е. заимствованной графикой (орфографией). Так как они сохраняют письменный вариант первоисточника, далее эти письменные нормы закрепляются и в произношении, и в чтении, получают массовое распространение. Данный факт в свое время отмечен Х.Досмухамедулы [4, 91].

Новые слова распространяются, в первую очередь, СМИ. Популизация данных слов, приобретение ими общенационального характера непосредственно связаны с развитием периодической печати. Конец XIX – начало XX веков в связи с выпуском газет «Дала уәліяті», «Түркістан уәліяті», «Серке», «Қазақ», «Қазақстан» и журналов «Айқап», «Шора», «Таң», «Шолпан» знаменуют собой период расцвета казахской

печати. В стадии становления язык газет не отходил от канонов чагатайского языка. Но перед периодикой того времени стояла цель – стать идейным рупором для казахов, для чего нужно было писать на казахском. Особую роль в деле просвещения народа играли деятели Алаша. Так, Ахмет Байтурсынулы писал: «если любителям литературного языка просторечный казахский стиль газеты не нравится, просим нас извинить. Вещь для народа должна быть близкой для народа» [10].

В создании национального алфавита на основе арабской графики велика заслуга А.Байтурсынулы. Он, убежденный сторонник графической реформы в казахском языке, посвятил ряд статей данной проблеме: «Жазу тәртібі» («Порядок написания») [11], «Жазу мәселесі» («Проблемы написания») [12], «Дыбыстарды жіктеу туралы» («О классификации звуков») [13], «Емле туралы» («Об орфографии») [14], «Жоқшыға дерек» («Сведения незнающим») [15]. Его первый букварь «Оқу құралы» («Учебное пособие») вышел в свет в 1912 году [16, 40].

А. Байтурсынулы, взяв за основу исконную звуковую систему казахов, коренным образом преобразовал прежнюю письменность. Таким образом ученый способствовал тому, что тюркоязычные слова, арабизмы, персизмы теперь писали в соответствии с фонематикой казахского языка. Его новый алфавит был признан многими специалистами. «Вариант арабской графики А.Байтурсынова, адаптированный к закономерностям казахского языка, принят единодушно казахами, особенно учителями. Потому что графическая реформа Байтурсынова опирается на природу казахского языка, разработана на научной основе» [17, 9]. Его «төте жазу» – «прямое письмо» признали и высоко оценили наряду с отечественной интеллигенцией и ученые-лингвисты с мировыми именами [18, 32].

Великий труд А. Байтурсынулы – казахский национальный алфавит и орфография широко применялись вплоть до 1929 года. С указанного года до 1940 года им пользовались наряду со свежепринятой латиницей. Далее алфавитом Байтурсынова пользовались избирательно, он (алфавит) сохранял свою жизнеспособность. Так, корифеи казахской литературы М.Ауезов и Г.Мусрепов хотя знали и латиницу, и кириллицу, большую часть рукописи писали «төте жазу» А.Байтурсынулы. Эта письменность востребована и сегодня. Свыше миллиона наших соотечественников в КНР пользуются ею во многих общественных сферах.

В связи с политической страдой в 20-х годах XX века в 1928-29 годы казахский

алфавит был переведен на латиницу из 29 букв. В выпускавшихся в те времена газетах и различных исторических документах иноязычные «сатсыализм», «сатсыйалист», «кэмүніс», «балшабек», «репорма», «сэбет», «пебырал», «сабнарком», «пұртакол» писались в соответствии с орфоэпией казахского языка, так как в первое десятилетие Советской власти создавались вполне благоприятные условия для развития национальных языков. Но это было временной мерой для укрепления положительного имиджа Советов среди народов СССР. По мере приближения периода репрессий, срезавшего на корню весь интеллектуальный цвет наций, в силу снова входила политика русификаций. В 1926-1927 годы, во времена дискуссии о том, оставлять ли алфавит А.Байтурсынулы или эффективней перейти на латиницу, даже общественные споры проходили под подоплекой политики русификаций. Дело в том, что сама русская письменность основана на латинском (греческом) алфавите, поэтому в дальнейшем казахскую латиницу легко можно будет заменить русским письмом.

Все же в 1929 году официально закрепленные в Кызыл-Орде орфографические правила казахского языка, уже основанного на латинице, не сильно расходились с результатами реформы Байтурсынова [19, 190]. Причина – прямое участие в новой реформе деятелей Алаша, их идейное сопротивление введению в латинизированный «национальный» алфавит чужеродных казахскому звуков и букв. После репрессий ученых, в 1938 году, был принят свод новых орфографических правил, где политика русификаций проявилась уже явно: «ранее, из-за отсутствия в алфавите букв, слова искажались в письме, теперь же они будут написаны правильно согласными буквами х, в, ф. Например, теперь будут писать хат, хан, химиа, фазыл, вагон, совет. Азбука казахского литературного языка включает 32 буквы» [19, 196-197]. Новый документ не только послужил началом для игнорирования фонетических закономерностей языка и заимствованию лексики без ее адаптации в языке-реципиенте, но и препятствовал естественному процессу пополнения словарного состава.

С ноября месяца 1940 года казахский алфавит, уже переведенный на кириллицу, включал 41 букву, совершенствовались правила, разрешающие принятие иноязычной лексики без фонетических изменений. Последняя реформа языка приняла в казахский алфавит все звуки и буквы, присущие русскому. Теперь в казахском уже 42 буквы,

которые служат для графической кальки русских слов. Парадокс сложившейся ситуации в том, что казахское общество так привыкло к новой письменности, что теперь кажется чуждой сама природа родного языка. «Стерта разительная разница между произношением и написанием слов» [20, 222], «В казахском языке слова как пишутся, так и читаются» [21, 10; 22, 5] – такие «положительные» отзывы о современном состоянии казахского литературного языка порой можно услышать и от ученых-лингвистов. И все же современная политическая и экономическая ситуация сильно влияет на языковые процессы в обществе, формирует векторы развития языка как социального явления. Следовательно, выявление национальной самоидентичности казахского языка явление законное и веление времени.

Список литературы

1. Бельчиков Ю.А. Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского. – М., 1962.
2. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. – М., 1968.
3. Момынова Б. Общественно-политическая лексика в газете «Қазақ». – Алматы: Арыс, 1998. (на каз.яз.)
4. Досмухамедұлы Х. Избранное. – Алматы: Ана тілі, 1998. (на каз.яз.)
5. Газета «Алаш айнасы» 2013 23 сентября, №185(1096) (на каз.яз.)
6. Рустемов Л.З. Казахско-русский толковый словарь арабо-иранских заимствованных слов – Ал.: Мектеп, 1989. (на каз.яз.)
7. Момынова Б. Общественно-политическая лексика казахском языке – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – С.140. (на каз.яз.)
8. Елеукенов Ш., Шалгынбаева Ж. История казахской книги – Алматы: «Санат», 1999. (на каз.яз.)
9. Мырзабектен Ниязбекулы Сапархан. Орфоэпический словарь казахского языка – Алматы: Сөздік-словарь, 2001. (на каз.яз.)
10. Байтурсынулы А. // Қазақ. 1913, № 2, гл. статья. (на каз.яз.)
11. Байтурсынулы А. Порядок письма // Айқап, N 9- 10, 1912. (на каз.яз.)
12. Байтурсынулы А. Проблемы письма // Қазақ, N 34-35, 1913. (на каз.яз.)
13. Байтурсынулы А. О классификации звуков // Жаңа мектеп, №5. 1927(на каз.яз.)
14. Байтурсынулы А. Об орфографии // Еңбекші қазақ. 27-март, 1929. (на каз.яз.)
15. Байтурсынулы А. Сведения незнающим // Еңбекші қазақ, 14 дек. 1925. (на каз.яз.)
16. Байтурсынов А. Учебное пособие (на каз.яз.)
17. Сыздыкова Р., Байтурсынов А. О жизни и творчестве // О величии языка. – Алматы, 1992. (на каз.яз.)
18. Стенографический отчет научно-орфографической конференции, созванной 2-4 июля 1929 г. Научно-методическим Советом НКП и ЦКНТА. – Алматы, 1930 – С. 58.
19. Амиржанова Н. Историческая судьба латиницы в Казахстане. – Алматы: Институт развития государственного языка – 2012 ж. – с. 300 (на каз.яз.)
20. Сауранбаев Н. Проблемы казахского языкознания. – Алматы: «Гылым», 1988. (на каз.яз.)
21. Ислам Жеменей. Персидско-казахский и казахско-персидский словарь. – Алматы: Санат, 1994. (на каз.яз.)
22. Аманжолов А. Тюркская филология и история письма. – Алматы: Санат, 1996 (на каз.яз.)